

КИТАЙГОРОДСКАЯ СТЕНА. ЛИНИЯ.

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Китайгородская стена. Линия

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Китайгородская стена. Линия / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

В 1534 году на месте земляного вала к востоку от Кремля начали класть каменную стену. Её строил итальянец Пётр Фрязин Малый, урождённый Пьетро Франческо Аннибале, по указанию Елены Глинской — матери Ивана Грозного. Стена встала на 2,5 километра, высотой до 12 метров, толщиной 6, с двенадцатью башнями, и почти четыре века охватывала кольцом Китайгород и Зарядье. Она пережила набеги, Смуту, пожары, петровские пушки, губернские лавки, часовни, музеи императорских времён — а снесла её советская власть в 1934 году. Уцелел один участок за «Метрополем» — служебный въезд с мусорными контейнерами. В 1970 х Пётр Барановский отвоевал и восстановил часть стены на Китайгородском проезде, в 1995 м вернули Воскресенские ворота, в 1997 м — Круглую башню, в 2017 м нашли белокаменное основание под Зарядьем, в 2023 м укрепили Птичью башню. Эта новелла — о линии, которая то исчезала, то возвращалась. И о том, почему Москва до сих пор не знает, чего в названии больше — города, стены или памяти.

Содержание

Глава 1. Посад за Кремлём	5
Глава 2. Стена и её века	9
Глава 3. Год тридцать четвёртый	14
Глава 4. Барановский	18
Глава 5. Возвращение линии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Китайгородская стена. Линия

Глава 1. Посад за Кремлём

Москва начиналась с Кремля.

Это знает всякий, кто хоть раз стоял на Красной площади и смотрел на краснокирпичную стену с зубцами. Кремль — ось, точка, из которой город рос, как дерево из семечка. Внутри — соборы, дворцы, государевы палаты. Снаружи — Красная площадь, а за ней уже и весь остальной город, разбегающийся в разные стороны дворами, улицами, слободами.

Но у Москвы с самого начала была одна особенность, которая отличала её от большинства других старых городов. Кремль оказался почти сразу тесен.

Слишком много людей хотело жить у его стен. Слишком много торговли, денег, ремесла собралось буквально у подножия кремлёвских башен. Слишком соблазнительно было всем, кто приезжал в Москву Снежок: торговать, работать, искать счастье, — осесть прямо здесь, рядом с Кремлём, но не внутри его, а в посаде.

Посад — слово старое и простое. Оно происходит от глагола садить, сажать. Посад — это то, что посажено около чего-то большего. Около Кремля. Вокруг кремлёвской стены, с внешней её стороны, начали расти дворы, лавки, улочки, слободы. Не сразу — постепенно. Сначала отдельные домики ремесленников, которые пришли работать на государев двор. Потом кузницы, потом лавки, потом целые слободы купцов, кожевников, серебряников, иконников, оружейников. Каждая слобода — по своему делу, со своей улицей, со своим храмом. И всё это — впритык к Кремлю.

Так родился посад, который позже назовут Китай-городом. Пока что — безымянный, шумный, деревянный, живой.

Посад был не просто скоплением домов. Это был отдельный мир, со своими законами и правилами, с собственной жизнью, тесной и бурной. Здесь торговали всем — хлебом, воском, железом, шёлком, солью, мехами, книгами, восточными пряностями, привозимыми через Астрахань и Казань. Здесь работали кузнецы, кожевники, ювелиры, оружейники, иконники, каменщики. Здесь кипели страсти, заключались сделки, воровали, спорили, мирились, женились, пировали и ссорились. Улицы — узкие, кривые, грязные по осени, пыльные летом, —

сходились и расходились кучно, как грибы в лесу. И над этим миром стоял шум, который в XVI веке слышали до самого Замоскворечья: стук молотков, крики торговцев, собачий лай, скрип телег, звон колоколов, ругань, песни. Посад был громкий, как любое настоящее человеческое место.

Но у жизни в посаде была одна беда, о которой знали все и с которой ничего не могли поделать: посад был незащищён.

Кремль стоял за своей стеной с башнями — неприступный, надёжный, отделённый от внешнего мира камнем и рвом. Для тех, кто жил в Кремле, — бояр, государевых людей, митрополита, — каменная крепость была домом. А для тех, кто жил за её стенами, в посаде, — Кремль был ещё и защитой. Но защитой несовершенной. Потому что сама посадская земля оставалась открытой: без стены, без вала, без рва, без частокола. Приходи враг — и посадская Москва превращалась в лёгкую добычу.

А врагов в XVI веке у Москвы хватало. Крымские татары, казанские татары, ногаи, литовцы, шведы, свои же. Набеги случались часто, и чаще всего — летом, когда конница шла налегке, быстрая и жадная до добычи. Татары знали, что в посаде взять есть что. Знали, куда идти, что хватать, где грабить. И приходили — снова и снова. Каждый набег оставлял после себя одно и то же: пожары, разорённые дома, убитых, угнанных в полон. Посадские люди уходили под защиту Кремля, ждали, а потом возвращались на пепелище и начинали строиться заново.

Так продолжалось многие десятилетия. Москва росла, богатела, посад расширялся, и вместе с ним рос и масштаб бедствия во время набегов. Каждый пожар в посаде — это сотни лавок, дворов, слобод. Каждый угон в полон — это сотни жизней и сотни рублей выкупа. Москве нужна была защита.

О ней всерьёз задумались в начале XVI века.

В 1533 году умер великий князь Василий III. Оставался его сын, Иван, которому было всего три года, — будущий Иван Грозный. Пока мальчик был слишком мал, чтобы править, за него правила его мать — Елена Глинская.

Глинская — женщина, о которой в русской истории осталось мало хорошего и много разного. Её называли излишне властной, слишком честолюбивой, окружившей себя чужаками. Происхождения она была необычного для московского двора: дочь литовско-русского князя Василия Львовича Глинского, род которого связывали с Сербией, с Литвой, с Польшей. Её родной дядя, Михаил Глинский, был пленником в Москве, потом советником, потом снова опальным. Сама Елена в Москве оказалась как необычная, красивая, умная пришлая — и так уж получилось, что именно ей пришлось пять лет править государством от имени сына.

Пять лет — срок небольшой. Но за эти пять лет случилось многое: и денежная реформа (ввёл единую русскую монету — копейку), и унификация мер, и ограничение церковного землевладения, и укрепление границ. И среди этих дел — самое видное для Москвы и её жителей: при Елене Глинской начали строить Китайгородскую стену.

В 1534 году обустроили первые укрепления на месте будущей стены: земляной вал и глубокий ров. Вал насыпали, ров выкопали от Кремля к Неглинной, смыкая новую линию укреплений с кремлёвскими угловыми башнями. Неприятное, но дело нужное: уже это одно дало посадским хоть какую-то защиту. В том же году, а если точнее — в 1535м, по указу Глинской здесь заложили уже каменную стену.

Строить её поручили итальянцу. Вернее — итальянцу по происхождению, в Москве давно своему.

Его звали Пётр Фрязин Малый. Настоящее имя — Пьетро Франческо Аннибале. Фрязин — это московское прозвание иностранца, особенно выходца из итальянских земель. Так в русских документах называли всех итальянцев или греков-итальянцев, приходивших на службу к московским государям. А их в XVI веке в Москву приезжало много. Со времён Ивана III,

который приглашал в Москву итальянских зодчих строить Кремль — Аристотеля Фиораванти, Марка Руффо, Алевиза Нового, — русская столица привыкла к фрязинам: людям, говорившим на чужом языке, но понимавшим толк в камне, кирпиче, оружии, архитектуре.

Пётр Фрязин Малый — кем он был до Москвы, точно не известно. В некоторых источниках его называют мастером по крепостному делу: то есть специалистом по стенам, башням и вообще военной архитектуре. Профессия востребованная, тогда — особенно. Итальянские мастера фортификации в XV–XVI веках считались в Европе лучшими. Их приглашали и к венгерскому королю, и к польскому, и к турецкому султану. Москва не была исключением.

Строительство стены началось в 1535 году и продолжалось три года. Оно не было лёгким. Каждый кирпич, каждый камень, каждый ряд кладки шёл вручную, с использованием деревянных лесов, подъёмных блоков, лопат, кирок, тачек, лошадиных телег. Кирпич для стены делали рядом, в специальных печах, где глину месили вручную, формовали, сушили под навесом, потом обжигали. Работали в день по 12–14 часов, за небольшую плату, а если крепостные — то даром.

Куда смотрел в это время Кремль, сказать сложно. Скорее всего, из любопытства. Стена росла с восточной стороны, обнимая посад, разворачиваясь дугой от одной кремлёвской башни до другой, и она на глазах превращала Москву во что-то новое: не просто город у Кремля, а город в двух стенах. Внешняя стена отсекала Кремль от остального мира, а внутренняя — отсекала посад от пришлых. В этой двойной защите было что-то символическое: Москва училась быть осмысленной.

В 1538 году строительство завершилось.

Стена встала длиной около 2,5 километра, от Арсенальной до Беклемишевской башни Кремля, наполовину вдоль берега реки Неглинной, которую позже, в XIX веке, уберут под землю. Высота стены достигала 8–12 метров, ширина — до 6 метров. По всей её длине поднимались двенадцать башен. У некоторых из них были ворота — проезды в город: Спасские, Никольские, Ильинские, Варварские, Зачатьевские, Москворецкие и Трисвятские. Через каждые сто-двести метров — башня, крепкая, с бойницами, с площадками для стражи. Стена и башни завершались деревянной кровлей, которая защищала кладку от дождя и снега.

Внешне стена была похожа на кремлёвскую: те же зубцы с ласточкиными хвостами, та же суровая монументальность, тот же красный кирпич с белокаменными вставками. Но была и разница. Кремль — стена государева, стена для власти. Китайгородская — стена посадская, стена для тех, кто работал и торговал. И хотя её строили по указу великой княгини, служила она не дворцу, а людям, которые жили у её подножия. Об этом забывают, а между тем это важно.

Русская история XVI века являет собой долгую и непростую судьбу. Но в одном из её сюжетов — в строительстве Китайгородской стены — видно нечто простое и человеческое: посадские люди хотели жить спокойно. Они не хотели, чтобы их сжигали в очередной раз, угоняли в полон, разоряли. Они хотели, чтобы у них была защита. И вот теперь, к 1538 году, эта защита встала. Красная, кирпичная, длинная, крепкая. И в её тени, за её зубцами, за её толстыми боками, посадские люди впервые за долгие годы могли хотя бы зимой чувствовать, что они в доме.

Не случайно она получила такое имя.

Как и когда стену назвали Китайгородской — неизвестно. Скорее всего, имя шло от района, а не от стены: сначала Китай-городом называли сам посад, окружённый новой стеной, и лишь потом название перешло на крепость. Так часто бывает: сначала имя возникает у людей, а потом оно прилипает к кирпичу.

Существует несколько версий происхождения этого имени.

Согласно одной, слово кита — старинное слово, обозначавшее особый способ вязки жердей для ограждений. Первоначальные укрепления Китай-города, ещё деревянные, состояли из таких плетней. И от них, по этой версии, пошло название.

Согласно другой, слово это итальянское. Città значит город. Пьетро Франческо Аннибале, итальянец, строил в Москве стену вокруг посада, то есть города, и вполне мог употребить своё слово. Местные жители его переименовали, а потом уже закрепили в языке.

Согласно третьей, название пришло из-за границы. Китай-городок — так будто бы называлось селение в Подольском воеводстве, откуда происходила Елена Глинская. И она, как говорят, назвала новую крепость в память о месте своего детства.

Согласно четвёртой, наконец, имя связано с торговлей. Китайка — так на Руси называли любые иностранные ткани. В посаде, окружённом стеной, шла бойкая торговля этими тканями, и в народе место так и прозвали — Китай-городом.

Какая из версий верна — не знает никто. Все четыре живут рядом, спорят друг с другом, каждая защищает свою правду. И это, возможно, куда интереснее, чем точный ответ. В старом московском имени города до сих пор скрыто полтора десятка смыслов — итальянский, литовский, русский, торговый, крепостной, — и все они как будто сходятся в одном слове, не желая уступать друг другу места.

Стена встала, имя появилось. Китай-город сделался особым районом Москвы: не пригород, не слобода, а внутренняя часть города, отделённая от остальной Москвы стеной с башнями. За стеной остаются торг, лавки, склады, храмы, дворы купцов. Перед стеной — остальная Москва, слободы, посады, дороги, поля. Так в Москве появилась особая линия, которая на четыре века отделит одно от другого.

Об этой линии и пойдёт наш разговор дальше.

Глава 2. Стена и её века

Стена встала — и почти сразу начала жить своей жизнью. Это вообще свойство всех крепостей: пока их строят, они кажутся вечными, а потом, когда дело сделано, начинается медленное, незаметное, но неостановимое их изменение. Меняются времена, меняются угрозы, меняется сам смысл того, зачем эта стена стоит. А стена остаётся. И постепенно становится уже чем-то другим, чем была задумана.

Первые полтора века Китайгородская стена работала по прямому назначению. Она была настоящей крепостью, и её действительно штурмовали, обстреливали, поджигали, брали измором. Стоит пройти по этим трём эпизодам — потому что каждый из них оставил на стене свой след.

Первый эпизод — пожар.

Деревянная кровля, которая венчала стену и башни, в XVI веке регулярно страдала в московских пожарах. Москва горела часто, горела страшно, горела так, что огонь шёл по городу сплошной волной, перекидываясь с дома на дом, с улицы на улицу, с посада на кремлёвскую стену. И деревянные шатры на башнях, деревянные крыши над боевым ходом, деревянные лестницы и настилы — всё это сгорало, снова отстраивалось, снова сгорало. Стена при этом оставалась каменной в основе, но её верх, её лицо, её «шапка» постоянно менялись. Это важно помнить для всей её дальнейшей истории: кирпичная кладка — одно, а то, чем стена венчается, — совсем другое, и второе живёт быстрее первого.

Второй эпизод — Смута.

В 1612 году ополчение под руководством князя Дмитрия Михайловича Пожарского осадило занятый польскими интервентами Китай-город. Осада длилась два месяца. Ополченцы выстроили вокруг стены пушечные батареи — и били по ней тяжёлыми ядрами. Это была настоящая осада, с ядрами, с вылазками, с голодом внутри. Поляки держались, но терпели всё хуже. В конце концов Китай-город был взят. И вместе с победой пришло разрушение: значительная часть укреплений, а особенно башен и деревянных верхних ярусов, оказалась повреждена. После Смуты стену пришлось восстанавливать — и это была первая по-настоящему масштабная её реставрация. Восстанавливали долго, не один год, потому что государство после Смуты само было разорено и нуждалось в передышке.

Третий эпизод — 1680 год.

В этот год закончился большой ремонт Китайгородской стены, о котором мы уже упоминали. Он многое определил в её облике. В частности, именно тогда две башни — Владимирская и Ильинская — и двое ворот — Воскресенские (тогда ещё их называли по-другому, но мы будем звать их Воскресенскими) и Варварские — получили каменные шатровые завершения. Это было важнейшее изменение. До этого момента верх стены и башен был деревянным, а значит, постоянно нуждался в починке. После 1680 года отдельные части крепости стали похожи уже не столько на военное укрепление, сколько на что-то более спокойное, более архитектурное. Шатёр смотрится не как боевая надстройка, а как наряд. Стена начинала понемногу прихорашиваться.

Это не значит, что она утратила значение. В XVII веке она ещё была нужна — как таможенная граница, как линия обороны, как место сбора пошлин и надзора. Внутри стены торговали иначе, чем снаружи. Внутри жили иначе. Внутри — Китай-город, особый мир с особым укладом. За стеной — остальная Москва. Стена разделяла два состояния города и предъявляла свои условия каждому, кто через неё шёл: плати пошлину, говори, зачем пришёл, не носи оружия без разрешения. Это была не только крепость, но и фильтр.

А потом пришёл Пётр.

Пётр I взойшёл на престол в конце XVII века, а в начале XVIII начал реформы. Одна из них касалась Москвы напрямую: в 1712 году столица была перенесена в Петербург. Москва перестала быть местопребыванием государя. И это изменило буквально всё.

Это вообще важное свойство русской истории: центр тяжести перемещается, и всё вокруг него тихо меняет свою природу. С Петербургом стало то, что должно было стать: Москва сделалась второй столицей, «старой столицей», «первопрестольной». Здесь перестали решаться главные государственные вопросы. Здесь больше не нужно было держать гарнизон в Китайгородской стене, потому что городу уже не угрожали так, как прежде. Здесь крепости теряли смысл, потому что сама Россия перестраивалась вокруг новой, западной, обращённой к морю оси.

Пётр, впрочем, успел распорядиться, чтобы московские укрепления привели в порядок. При нём в Китайгородской стене узкие бойницы для пищалей — длинноствольного огнестрельного оружия, рассчитанного на одного стрелка — заменили на широкие пушечные. Тогда же вдоль стены возвели земляные укрепления. Это была последняя настоящая модернизация стены как военного объекта. После неё её уже не улучшали как крепость — только чинили как памятник.

И по мере того как она переставала быть крепостью, начиналось то, что определит весь её XVIII и XIX век: стена стала обрастать домами.

Это явление — одно из самых характерных для старой Москвы. Крепостная стена, которая потеряла военное значение, немедленно превращается в опору для всего, что хочет к ней приткнуться. Купцы ставят лавки вплотную. Мещане — сараи. Ремесленники — мастерские. Прижимаясь к стене, ты как будто получаешь защиту и законное место: за стеной не отберут, не сдвинут, не сломают. Постепенно стена и город срастаются. Между ними уже нет пустого пространства: там, где было открытое поле для обстрела, теперь лавка, а за лавкой — сарай, а за сараем — чей-то задний двор. Стена становится частью городской ткани и одновременно как бы исчезает из виду.

К середине XVIII века картина складывается такая: стоит очень старая, очень крепкая, очень никому не нужная стена. Крепость защищать больше ничего не надо. Но и сносить её нельзя: это государственная постройка, а раз государственная — значит, надо содержать. Содержать дорого. Ремонтировать дорого. А денег нет.

Именно в этом состоянии государственного недоумения стена и встречает 1765 год.

В 1765 году Екатерина II распоряжается отменить дозорные обходы по Китайгородской стене. Это распоряжение звучит почти буднично, и в пересказе оно теряется, но по сути это — первый официальный шаг к превращению стены из действующего объекта в объект заброшенный. Обходить стену больше не надо — значит, никто не отвечает за её состояние, никто не замечает, где она рушится, где крошится, где проваливается. Причина была простая: опасные разрушения настолько участились, что обход стал небезопасен для самих обходчиков.

Обратите внимание на эту логику. Крепость, построенную, чтобы защищать от врага, перестают охранять, потому что она сама стала опасна для тех, кто её охраняет. Это почти притча.

А в 1782 году началась большая реконструкция. Реконструкция эта заслуживает отдельного внимания, потому что именно тогда определились те формы стены, с которыми Москва будет жить весь XIX век и которые потом, в 1930е, будут снесены.

В Ильинской башне пробили сквозные ворота вместо старого проезда. В Варварских воротах сделали большую арку, чтобы обеспечить свободный проезд по улице. Так крепость превращали в удобный городской проезд: не защищать, а пропускать. Стена переставала быть границей и становилась чем-то вроде каменного декора проезжей части.

После 1782 года стена окончательно потеряла оборонительное значение — и к ней тут же, волной, пристроились многочисленные дома и лавки. То, что раньше было полем обстрела, теперь было улицей. То, что раньше было рвом, теперь было частью рынка. Стена оказалась телом, к которому льнёт город, и это льнувшее к ней выросло с каждым годом.

Если бы вы оказались в Москве рубежа XVIII–XIX веков и прошли вдоль Китайгородской стены, вы бы её не увидели.

Это не преувеличение. Плотная линия домов, заборов, лабазов, сараев, складов, пристроек, флигелей полностью закрывала стену с внешней стороны. Где-то кирпичная кладка поднималась над соседними крышами, но её края терялись в дымоходах, трубах, сушилках. Особенно плотно были застроены участки возле Ильинских и Варварских ворот — там стояли торговые ряды, амбары, склады купеческих фирм. Купечество ставило свой склад спинкой к стене, потому что так было экономно и безопасно: с одной стороны — крепость, с другой — улица, обходить не надо.

Понемногу оказывалось, что стена — это не стена, а как бы один из внутренних пределов города, нечто вроде старой каменной подпорки для домов. Жизнь вокруг неё воспринимала её как нечто само собой разумеющееся. Никто не думал: «Здесь стоит древний памятник». Думали: «Здесь глухая стена, и к ней удобно пристроиться».

В XIX веке история стены становится особенно бурной.

Во-первых, её дважды хотели снести. Один раз — в 1810е, другой — в 1850е. Это уже не слухи, а реальные проекты. Идея сноса возникала из простого практического соображения: стена мешает. Мешает движению, мешает торговле, мешает росту города. Её держали только потому, что при каждом новом обсуждении находились заступники-историки, и в конце концов дело заканчивалось компромиссом: стену оставляли, да ещё и выделяли из казны деньги на ремонт.

Это случай редкий. Обычно, если по крепости решают, что она мешает, то её сносят. Здесь же слой охранительства, представленный учёными и археологами, оказался достаточно силён, чтобы сохранить памятник. Однако «сохранить» вовсе не означало «оставить в неприкосновенности». Стена продолжала меняться, только изменения шли уже не от государства, а от частных лиц и учреждений.

Во-первых, в стене пробили дополнительные ворота. Проломные — так их и называли прямым, честным словом. Проломные ворота появились в том месте, где никакой башни не было, просто потому что кому-то стало удобнее пройти насквозь, чем обходить.

Во-вторых, к Ильинским воротам пристроили часовню преподобного Сергия Радонежского. Часовня — явление московское, обычное: маленькая церковь у ворот, где можно поставить свечу, заказать молебен, купить иконку, подойти к святыне на ходу. Часовня пристраивалась к городской крепости так же естественно, как лавка к стене: потому что рядом ходят люди, а люди хотят молиться.

В-третьих, в башне над Ильинскими воротами открыли общежития для монахов. Это тоже показательно: башня, где когда-то сидела стража, теперь стала монашеским жильём. Вчерашние бойницы смотрели на улицу, за которой жили иноки. Стена вращалась в церковную жизнь города и незаметно для себя превращалась в часть монастырского и приходского быта.

В-четвёртых, у Варварской башни вместо проезжих ворот устроили часовню. Ворота, через которые когда-то въезжали в Китай-город, стали местом молитвы. Это событие стоит запомнить: во второй раз, уже в XX веке, именно Варварская башня оставит о себе след — только тогда уже не часовней, а фундаментом в подземном переходе.

В-пятых, в Глухой башне на Театральной площади открыли Музей птицеводства. Это звучит комично, но по сути опять же верно: у стены не было военного назначения, зато было пространство, и в нём можно было что-то разместить. В Глухой башне разместили музей — маленький, прикладной, куриный. Получалось почти нелепо — крепость, в которой выставляют породы кур. Но так и работает старая Москва: она умеет наполнять древние стены чем угодно, как будто специально, чтобы они не пустовали.

И наконец, в-шестых, для удобного доступа к новому Третьяковскому проезду, проложенному на средства московских купцов-меценатов, в стене сломали 12 метров кладки. Это уже прямое вмешательство. Третьяковский проезд — новый проезд, соединивший Театральную площадь с Никольской улицей, — был нужен не для обороны, а для торговли и удобства. Прорубая в стене проход к нему, город прямо заявлял: мы не боимся стены, она подчинена нашему движению. Впрочем, даже здесь не обошлось без курьёза: на месте пролома позже поставили ворота в русском стиле, спроектированные архитектором Александром Степановичем Каминским. Дом с воротами получил островерхий шатёр, башенки со шпильями и зубцы — то есть прикинулся частью древнего укрепления. Москва уже тогда умела делать вид, что новое — это старое, если так удобнее.

К концу XIX века Китайгородская стена обрела очень странный статус. Формально она была памятником и объектом охраны. А фактически — чем угодно: часовней, общежитием, музеем, торговым рядом, складом, лабазом, подпоркой для соседних домов. Пожалуй, ни одно московское укрепление не переменило столько занятий, сколько переменила Китайгородская стена в спокойные десятилетия XIX века.

Между тем уже тогда находились люди, которые смотрели на неё иначе.

В начале XX века к стене пришёл человек, который её понимал и любил. Его звали Игорь Эммануилович Грабарь.

Грабарь — личность, о которой в истории русского искусства сказано много. Живописец, реставратор, историк искусства, один из тех, кто сформировал представление о русском художественном наследии как о едином организме. В 1925 году Грабарь написал о Китайгородской стене тревожные слова. Он говорил, что некогда мощное укрепление находится в бедственном положении, что его следы местами полностью стёрты. Он писал о стене не как о досадной помехе, а как о том, что нужно спасать.

Это мнение важно для нашей новеллы, потому что именно в 1920е годы стена переходит из категории «всё как-нибудь само собой» в категорию «наших тревог». Ещё ничего не решено. Ещё не снесено ни одного метра. Но на память уже брошена тревожная тень. Стена ещё стоит, а её уже защищают.

И это правильно, что её защищают. С этого момента её судьба перестаёт быть спокойной. С этого момента она становится спорной.

Какой вывод из этой главы?

Китайгородская стена к XX веку выглядела совсем не так, как в 1538 году. Она была когда-то крепостью — а стала чем-то вроде старой крепкой бабушки, у которой уже не своя жизнь, а жизнь всех, кто рядом: чай у неё пьют, к её боку пристраиваются, в её комнатах живут, в её чуланах хранят. Она была бесспорно древней, но уже не бесспорно нужной. Она была на виду у всех, но не была никому по-настоящему важна.

А между тем в её кирпичах уже лежала вся её будущая история. Ей предстояло ещё четыре раза быть спасённой, один раз — почти снесённой, один большой раз — снесённой и восстановленной отчасти. А в 1934 году её ждал снос.

Но до сноса ещё далеко.

Пока — 1925 год. Грабарь пишет о бедственном положении. Стена стоит. По её боевому ходу, где-то в стороне от глаз, уже тянут трубы и провода, а в Зарядье, у её подножия, копошится торговый люд. Стена притворяется обычной городской постройкой. Она уже не крепость. Она ещё памятник. Между этими двумя состояниями она и подойдёт к роковому рубежу.

Глава 3. Год тридцать четвёртый

К началу 1930х Китайгородская стена была уже не той стеной, что в 1538 году и даже не той, что в 1820м. Она обветшала, обросла, выросла в город. В некоторых местах её разобрали ещё до революции, в других — она служила подпоркой позднейшим зданиям. И всё же она стояла. Два с половиной километра древней кладки, двенадцать башен, шесть ворот — всё это лежало поперёк Москвы, и это было главной проблемой.

Москва в начале 1930х переживала нечто, чего она не переживала со времён петровских реформ: полную перестройку самой себя. Генеральный план реконструкции столицы, разработанный в 1935 году (но вынашивавшийся несколькими годами раньше), предполагал расширение центральных улиц, прокладку широких магистралей, разбивку новых площадей, строительство метро. Москва должна была стать образцовым социалистическим городом — с прямыми проспектами, просторными площадями, светлыми домами. Всё старое, узкое, тесное, мешавшее этому замыслу, подлежало устранению.

Китайгородская стена мешала сразу двумя способами. Во-первых, она физически перекрывала движение: узкие ворота не пропускали транспортный поток, который стремительно рос с каждым годом. Во-вторых, она была воплощением того старого, купеческого, тесного, дореволюционного Китай-города, от которого новая Москва хотела избавиться. Стена была не просто камнем — она была символом. А от символов старая, отживающая эпоха, по представлениям новой власти, должна была избавиться.

К этому добавлялось метро. В начале 1930х в Москве шла прокладка первых линий метрополитена. Тоннели прокладывались под самыми центральными улицами, и в районе Китай-города линия метро шла как раз под стеной. На участке от Арсенальной до Беклемишевской башни предстояло вести работы, а для этого — либо перекрывать подземные пустоты стеной, либо укреплять её, либо избавиться от неё.

Несколько лет обсуждались альтернативные решения. Проектировщики предлагали варианты объездных проездов: расширить ворота, пробить новые проходы, оставить стену как декоративный элемент. Но каждый вариант упирался в одно и то же: расширение ворот ведёт к уничтожению башен; обходы удорожают строительство; оставить стену — значит лишить Москву одной из главных транспортных артерий центра. А между тем в 1932 году во ВЦИКе —

Всероссийском центральном исполнительном комитете — прозвучала фраза, которая решила всё. Стену называли «никому не нужным архитектурным хламом».

Фраза эта важна не сама по себе. Она важна потому, что она говорила о состоянии сознания. Стена действительно казалась тогда никому не нужной. В 1932 году Москва не была городом реставраторов. Это был город строителей, инженеров, градостроителей, метростроевцев. У них были другие задачи. А между ними и старой кладкой не было ни интуитивной любви, ни профессионального пиетета. Грабарь писал о её бедственном положении — но Грабарь в 1925 году был почти одинок. Прошло семь лет, и его тревога не стала общей.

Так было принято решение.

Снос начали в 1934 году.

Первыми разобрали Ильинские ворота. Это был символический выбор: именно через Ильинские ворота Китай-город входил в свой главный торговый квартал, именно здесь стояла часовня Сергия Радонежского, именно здесь стена имела какой-то особый, уже почти храмовый, вид. Снос ворот стал как бы разрешением снести всё.

А затем был объявлен субботник.

Это было в духе времени. Снос стены как всенародное дело, как общая работа, как праздник освобождения от хлама. На субботник вышли рабочие, комсомольцы, метростроевцы. Они разбирали участок от Владимирских ворот до Варварских — то есть как раз то место, где стена подходила к Зарядью. Работали быстро, организованно, вручную и техникой. Кирпич стены отвечали, укладывали в телеги, вывозили. Стена рассыпалась на части — и каждая часть находила применение.

Вот тут начинается важная и почти никем не вспоминаемая страница. Кирпич Китайгородской стены пошёл на строительство московского метрополитена. Это не метафора. Кирпич кладки, которой было больше трёхсот лет, использовался как материал для укрепления тоннелей станции «Дзержинская» (нынешней «Лубянки») и других подземных участков. Метро, которое строилось в 1934–1935 годах под самыми центральными улицами Москвы, в прямом смысле получало своё основание из кусков старой крепости.

Это следует осознать, потому что это одна из тех деталей русской истории, которые невозможно придумать, но которые были. Метро — символ будущего, новая Москва, торжество техники — строилось на кирпичах стены, которая должна была охранять город от татарских набегов XVI века. Будущее впитало в себя прошлое самым буквальным, физическим способом.

Снос шёл не один день, не один месяц, не один год. Основная часть стены была разобрана в 1934 году. Работы продолжались и в 1935м, и в последующие годы, поскольку снести сразу всё было невозможно: некоторые участки были плотно застроены, некоторые примыкали к жилым домам и требовали аккуратной разборки. Стену снимали, как снимают старые обои — слой за слоем, метр за метром.

Однако не всё оказалось снесено.

Уцелел небольшой фрагмент за гостиницей «Метрополь». Это участок стены, где находился служебный въезд, — то есть место, которое не было на виду, не имело никакого архитектурного значения и никому не мешало. Именно поэтому его не тронули. Он просто остался стоять — красный, старый, слегка покосившийся, с мусорными контейнерами у подножия. Так на долгие десятилетия Китайгородская стена превратилась в подсобное сооружение при гостинице. Крепость, которая строилась, чтобы защищать город от татар, в 1930е годы стала местом, где ставили мусорные ящики.

Уцелел и участок стены в Зарядье, вдоль Китайгородского проезда и Москворецкой набережной. Этот участок был разобран частично, но сохранил нижнюю часть кладки, обращённую к реке.

Уцелели Воскресенские ворота?

Нет. Воскресенские ворота, стоявшие прямо у входа на Красную площадь, у нулевого километра российских дорог, были снесены в числе первых. Они были слишком заметны, слишком символичны, слишком близки к Кремлю и Красной площади. Ворота разобрали, а Иверскую часовню при них — снесли. Так Москва потеряла один из своих главных входов. В дальнейшем это станет важным для сюжета: именно Воскресенские ворота вернутся в Москву раньше всего остального.

Что осталось после сноса?

Получилось так, что стена исчезла почти полностью, но не до конца. Остались фрагменты, которые были слишком незаметны или слишком неудобны для сноса. Остались фундаменты, погребённые под землю. Остались кирпичи, разошедшиеся по московским стройкам. Осталась память — сначала тень, потом всё более настойчивая.

Снос 1934 года — один из тех исторических эпизодов, о которых говорят: «так было задумано». Но в реальности задумано было не так чисто. Стена не была снесена в один день и не была забыта в один год. Её снимали долго, торопливо, местами непродуманно. И уже очень скоро, ещё в 1930е, стало ясно, что снос не решил всех задач: в одних местах стена была сломана, но не убрана полностью, в других остался участок, который потом стал мешать по другим причинам. Стену разбирали, но не могли разобрать до конца. И это в конечном счёте её спасло.

Через год с небольшим, в 1935 году, был официально утверждён генеральный план реконструкции Москвы. Москва обретала новое лицо. Китайгородская стена в этом лице уже не участвовала. Она ушла — и надолго оставила после себя пустое место.

Это пустое место долго было просто пустым местом. Проходили мимо, ездили, строили. Оно перестало быть вопросом и стало частью фона. Прошло около десяти лет. Начинался новый эпизод — эпизод Зарядья.

Зарядье — это район, который в XVI–XVII веках был посадом за стеной Китай-города: длинная полоса земли между стеной и Москвой-рекой, тянувшаяся вдоль Варварки к набережной. Здесь стояли дома, торговые лавки, церкви, палаты. В XVIII и XIX веках Зарядье стало одним из самых густонаселённых и небогатых районов Москвы. Здесь жили мелкие служащие, приказчики, ремесленники. Здесь же стояли древние церкви — Английское подворье, храм Варвары Великомученицы, палаты бояр Романовых. Район был типичным московским — тесным, живым, со своим укладом.

В 1930е годы Зарядье было решено полностью реконструировать.

Часть района снесли ещё в 1934 году, вместе со стеной. Но в конце 1930х стало очевидно, что на освободившемся месте должно подняться нечто значительное. И в 1947 году — уже после войны — было принято решение строить здесь грандиозное здание.

Оно должно было стать Дворцом Советов.

Дворец Советов — проект, который занимал воображение советской архитектуры. Это должен был быть главный советский небоскрёб, выше всех в мире, с колоссальной статуей Ленина наверху, с залами, дворцами, эспланадами, фонтанами, с собственным метрополитеном внутри. Дворец Советов должен был стать символом нового мира, его идеальным выстроенным центром. И место для него было определено именно в Зарядье — на месте снесённого района, откуда перед этим убрали и Китайгородскую стену.

Стену сносили ещё в 1934 году, потому что она мешала движению, но у этого сноса была и вторая, скрытая цель — очистить место для будущего строительства. В 1934 году об этом не говорили громко, но в проектной логике это было ясно: Зарядье должно было быть расчищено.

Строительство Дворца Советов началось в 1947 году. А в 1951 году произошло событие, которое повлияло на судьбу остатков Китайгородской стены.

При строительстве гигантского фундамента работала тяжёлая техника: экскаваторы, краны, виброустановки. Вибрация от этих работ оказалась настолько сильной, что участок уце-

левой стены в Зарядье, на набережной, начал разрушаться. В 1951 году там обрушилось 45 метров кладки. Это было внезапно, громко и опасно: тяжёлые кирпичи падали, часть стены обвалилась в котлован, место стало аварийным.

Было решено, что надо что-то делать с оставшимися фрагментами. Часть экспертов предлагала их сохранить — законсервировать, встроить в новый ансамбль, оставить как память. Другие предлагали разобрать — раз стена уже не имеет значения, незачем держать её рядом с Дворцом Советов.

Спор решился на самом верху.

В 1952 году Сталин распорядился исключить уцелевший участок Китайгородской стены из списка памятников и разобрать.

Это был почти окончательный приговор. Стена, которой в 1534 году Елена Глинская приказала быть, стена, которую строил Пётр Фрязин Малый, стена, которая пережила Смуту, петровские модернизации, пожары, набеги, лавки, часовни, музеи, стена, которую не тронул снос 1934 года, — теперь, в 1952 году, была официально снята со счёта культурного наследия. Её остатки должны были уйти с лица земли.

Вторая смерть — более тихая, чем первая, но не менее окончательная.

Однако.

Однако история не пошла дальше в этом направлении. Потому что в январе 1953 года строительство Дворца Советов было приостановлено. И вскоре после этого умер Сталин. А ещё через несколько лет стало известно, что Дворец Советов строить не будут.

Это очень русская история: остатки Китайгородской стены были разобраны не потому, что их собирались окончательно уничтожить, а потому что рядом строился Дворец, который так и не был достроен. Стена оказалась жертвой проекта, который сам оказался нежизнеспособным.

Что было дальше?

Дальше было два десятилетия, в которые Китайгородская стена пребывала в странном состоянии. Её остатки уже не разбирали, но и не сохраняли. Она продолжала существовать в виде отдельных кусков кладки, разбросанных по городу. Один из них — у Китайгородского проезда — ждал своего спасителя. Другой — за «Метрополем» — ждал своего.

Этим спасителем стал человек, имя которого мы уже упоминали и о котором пойдёт речь в следующей главе: Пётр Дмитриевич Барановский.

Но пока был 1953 год. Китайгородской стены почти не было. И лишь несколько кирпичей, случайно уцелевших в разных углах Москвы, ещё помнили, что когда-то здесь стояла стена.

Глава 4. Барановский

Есть люди, чья жизнь оказывается прочнее их времени. Живут они в эпохи, которые, казалось бы, должны были их стереть, а они остаются — и остаётся то, что они спасли. О таком человеке и пойдёт речь.

Пётр Дмитриевич Барановский.

Он родился в 1892 году — в год, когда Москва ещё торговала в лавках Китайгородской стены, ходила в часовню у Варварской башни, покупала открытки с видом Ильинских ворот. Он умер в 1984 году — в год, когда Китайгородская стена была уже не крепостным валом и не памятником имперской старины, а фрагментом, чудом сохранённым в двух концах города. Три поколения, три эпохи, две страны, одна любовь. Любовь к старинной кладке.

Барановский был реставратором. Это слово в первой половине XX века значило одно, а ко второй половине стало значить совсем другое. В начале — реставратор это был человек, который смотрел на древние камни и старался понять, что они из себя представляли раньше. Он не перестраивал, не украшал, не «приводил в порядок». Он именно реставрировал — то есть возвращал памятнику его собственный облик, почему-то утраченный. Он копал, изучал обмеры, разбирал слои побелки, находил следы старого чертежа, спорил с чиновниками, писал письма, ходил по инстанциям. Реставрация в его понимании была не столько строительным делом, сколько археологией и чуть ли не философией.

Барановский начал работу ещё до революции. Успел поучиться в Московском археологическом институте, поработать на реставрации кремлёвских соборов. Ещё в молодости он понял, что для него реставрация — не карьера, не профессия, а род личного обязательства перед прошлым. Потом была революция, потом Гражданская война, потом 1920е, 1930е — годы, в которые старую Москву сносили одну за другой, и один человек мог сделать очень мало.

Своё главное дело Барановский сделал в 1960е годы.

К этому времени Китайгородская стена была уже почти уничтожена. Её снесли в 1934 году. Часть разобрали до основания. На месте Зарядья копали котлован под Дворец Советов, потом заливали фундамент, потом забрасывали проект. Остатки стены были в 1952 году официально сняты с охраны. Стену как будто окончательно списали из московской истории.

Но в 1960е Москва начала строить гостиницу «Россия».

Это было одно из решений Хрущёва — и по масштабу, и по смелости, и по последствиям. Гостиница «Россия» должна была стать самой большой гостиницей в мире: колоссальный комплекс на месте Зарядья, между Варваркой и Москвой-рекой, с видом на Кремль, с собственным концертным залом, с сотнями квадратных метров обслуживающих помещений. Её проектировали и строили в 1964–1967 годах, открыли в 1967 году. На месте, где в XVI веке стояла стена, в 1930е копали под Дворец Советов, а в 1950е забросили стройку, теперь должна была подняться огромная гостиница.

И вот в этом проекте появился вопрос: что делать с остатками Китайгородской стены, которые ещё лежали в Зарядье, вдоль Москворецкой набережной?

Остатки были небольшие. К моменту строительства «России» стена здесь была уже частично разобрана. Один её участок сохранился, но в плачевном состоянии. Один — тот самый, что у Китайгородского проезда, — имел в основании оригинальную кладку, но верх был утрачен. Он был разобран частично в начале 1950х и с тех пор пребывал в руинах: примерно так же, как и многие другие старые московские постройки, которые с 1930х годов были ни к чему — не восстановлены, но и не уничтожены до конца.

И вот здесь Барановский сделал свой ход.

Он пришёл к проектировщикам и сказал: этот участок стены надо сохранить. Не как музейную древность в отдельной витрине, а как часть архитектурного ансамбля новой гостиницы. Он говорил просто и убедительно: старинная стена рядом с новой огромной гостиницей — это не помеха, а украшение. Соседство с древностью оправдывает название «Россия» — то есть делает гостиницу не просто зданием в центре Москвы, а зданием в центре русской истории. Старая стена и новая Россия как бы продолжают друг друга.

Это был аргумент, который мог пойти против Барановского: некоторые реставраторы в те годы считали, что советская архитектура должна говорить сама за себя, без всяких отсылок к прошлому. Но Барановскому удалось убедить тех, кто решал.

Так стена была сохранена.

Но сохранить было мало. Её нужно было восстановить. Потому что к 1960м она уже потеряла большую часть своего облика: где-то разобрана, где-то засыпана, где-то обрушена. Барановский взялся за реставрацию.

Работы шли долго. Начались они примерно в конце 1960х и продолжались до 1973 года. За это время Барановский восстановил участок стены вдоль Китайгородского проезда, надстроил его до первоначальной высоты, восстановил зубцы в форме «ласточкиных хвостов», укрепил основание. Он не пытался сделать стену точной копией того, что было в XVI веке. Он делал реставрацию в том смысле, который считал правильным: сохранить то, что есть, восстановить то, что можно понять по обмерам и по сохранившимся следам, а там, где ничего нельзя понять точно, — сделать по аналогии.

Так на своём месте поднялась стена — не та, что стояла при Иване Грозном, не та, что была при Петре I. Не та, что помнила набеги и пожары. А её отражение — восстановленное, сохранённое, чуть иначе устроенное, чем было. Но — стоящая там, где надо, длиной и толщиной, близкой к первоначальной, с видом, знакомым по старинным гравюрам.

Это важно понимать: то, что делает Барановский, — это не реставрация в смысле «вернуть как было». Это скорее спасение. Он спасает то, что ещё можно спасти, и оставляет в виде, наиболее близком к изначальному. Сохранить — важнее, чем точно воспроизвести. Понимание этого — и есть главный урок Барановского.

На стене, восстановленной Барановским, сегодня можно стоять. Можно подняться на боевой ход со стороны парка «Зарядье», совершенно бесплатно, и пройти по ветхому настилу, глядя на Кремль и на Москву-реку. Это место — не туристический аттракцион и

не новодел в модном смысле. Это подлинный уголок старой Москвы, соединённый с новым городом.

По соседству с этим участком стоит Круглая башня — та самая Глухая башня, где в XIX веке размещался Музей птицеводства. Мы уже упоминали её в предыдущих главах. В 1997 году были восстановлены часть стены и прилегающая к ней Круглая башня, но, к сожалению, воссозданная башня отличается от оригинала. Она получилась шире, выше и получила шатровое навершие, которого у неё прежде не было. Это отражение несовершенства любой реставрации: мы никогда не знаем точно, как выглядел памятник, и делаем его таким, каким он кажется нам наиболее вероятным.

Работа Барановского с Китайгородской стеной не была единственной его заслугой. Он спас Андроников монастырь, он спас Спасский собор в Кремле, он вёл работу по храму Василия Блаженного, он спасал церкви и монастыри в Костроме, Ярославле, Ростове, во Владимире. Он был одним из тех, кто создал современное представление о русском искусстве как о живой цепочке, где каждое звено — драгоценно.

Но со стеной связано, пожалуй, самое человеческое из его дел. Потому что стена — это не храм. Это не то место, где люди молятся, причащаются, исповедуются, венчаются. Это просто защита. Стена — это давняя, будничная, ежедневная защита от того, чего боятся люди. Барановский понял это, и спас не красоту, а необходимость. Стена — это не музейный экспонат. Это место, где стоят. Место, куда поднимаются. Место, откуда смотрят на Москву.

В 1973 году работы по реставрации были закончены. Китайгородская стена снова стояла в центре Москвы — правда, уже не как крепость, а как восстановленный фрагмент. В ней не было ни пороховой, ни складской, ни часовенной жизни. Но стену можно было увидеть, потрогать, по ней можно было пройти.

А потом Барановский получил от властей ещё одно поручение. Через несколько лет, уже в 1980е годы, к нему пришли с просьбой сделать то, чего он не мог не сделать, но что стоило ему больших трудов.

В 1988 году — через четыре года после его смерти — при прокладке подземных коммуникаций у входа на Красную площадь рабочие наткнулись на фундамент древних крепостных ворот.

Это были фундаменты Воскресенских ворот.

О Воскресенских воротах мы уже говорили: их снесли в 1934 году. Снесли основательно, до основания, не оставив никаких заметных следов. От них не осталось ни кладки, ни обмера, ни чертежа, пригодного для точной реконструкции. Когда в конце 1980х возникла идея восстановить ворота, оказалось, что неясно, как они выглядели точно. Снос в 1930х был произведён без правильных предварительных обмеров, а к концу XX века из всей памяти о воротах остались только старые фотографии, гравюры, рисунки и открытки.

Тогда за работу взялся Олег Игоревич Журин — ученик Барановского. Он и его коллеги сделали невозможное: собрали из сохранившихся изображений образ ворот конца XVII века, восстановили Иверскую часовню в виде конца XVIII века, свели разрозненные детали и создали памятник. Он был открыт в 1995 году, через 61 год после сноса. И стоит он сегодня у самого входа на Красную площадь, над точкой нулевого километра российских дорог.

Это — заслуга Журина, но это же — продолжение дела Барановского. Потому что Журин был учеником Барановского. Потому что сама идея того, что памятник можно восстановить, когда от него остались одни фотографии, — это идея школы Барановского. Не храм, а Родина. Не далёкая древность, а самая точка отсчёта. Не то, что мы помним, а то, откуда мы считаем расстояние.

И в этом смысле Барановский спас не только стену. Он спас право на восстановление. Он научил Москву смотреть на свои утраты не как на то, что потеряно навсегда, а как на то, что можно по кусочкам собрать заново.

Но это уже тема для следующей главы. Потому что следующие тридцать лет — с середины 1980х и до сегодняшнего дня — это история о том, как Китайгородская стена возвращалась в Москву по частям. Стена, которую сносили в 1534м, обновляли в 1680м, разбирали в 1782м, восстанавливали в 1810е, ломали в 1934м, списывали в 1952м, воссоздавали в 1968м и восстанавливали в 1995м, — эта стена продолжала свой путь и в XXI веке. Ей предстояло вернуться в новом облике: в виде восстановленных фрагментов, отреставрированных участков, найденных фундаментов, в виде подземного музея и археологических находок. Ей предстояло снова стать частью городской ткани.

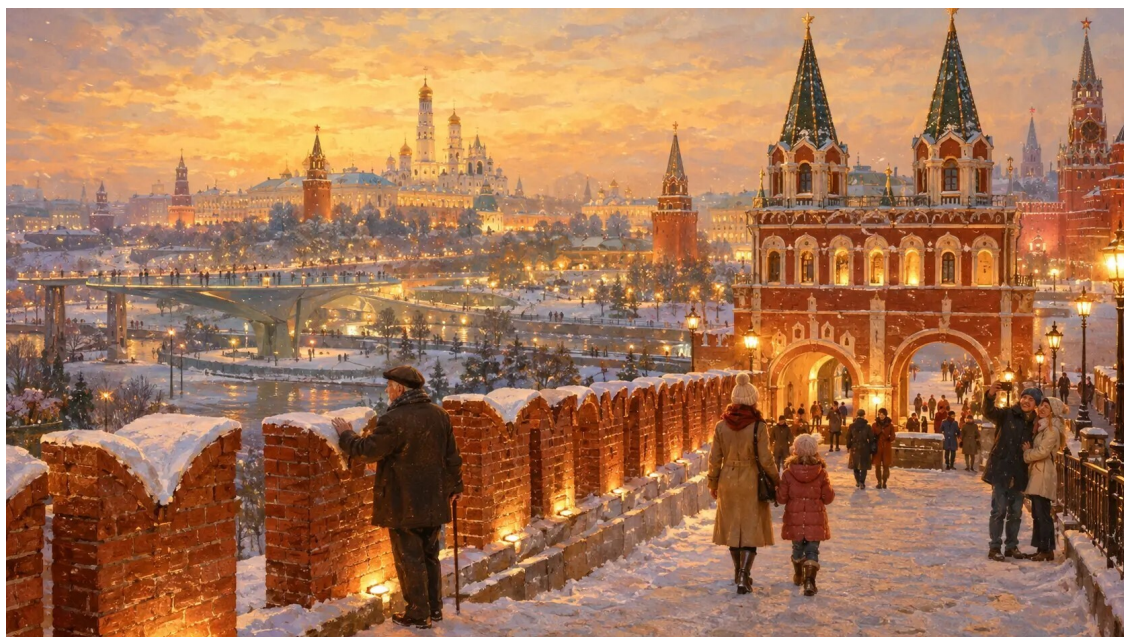
Но это — уже в следующей главе.

А пока — 1973 год. Стена восстановлена. Барановский стоит на её боевом ходу и смотрит на Москву. За его спиной — Кремль, внизу — Москворецкая набережная, чуть в стороне — гостиница «Россия». За стеной шумит город, который он спас. Город, который сам не всегда знал, чего хочет. Город, который умеет сносить и умеет восстанавливать.

Барановский умрёт в 1984 году. Через четыре года после его смерти рабочие найдут фундамент Воскресенских ворот. Через семь лет после этого его ученик восстановит эти ворота. Через двадцать лет рядом с его стеной разобьют парк «Зарядье». А в 2023 году реставраторы укрепят основание Птичьей башни — той самой, что много лет стояла за «Метрополем» рядом с мусорными контейнерами.

Стена не забудет своего спасителя. Она будет ему благодарна — так, как может быть благодарна старая кладка. Молча, долго, надёжно.

Глава 5. Возвращение линии

Стена вернулась в Москву не сразу и не вся. Она возвращалась по частям, как возвращается человек после долгой разлуки: сначала отдельными словами, потом голосом, потом — весь, но уже другим. И в этом возвращении есть и радость, и горечь, потому что то, что возвращается, — не то же самое, что было утрачено. Это уже не крепость. Это память о крепости, выстроенная заново из того, что уцелело, что нашли, что сумели восстановить по чужим фотографиям.

Начнём с того, что поменьше, но по-своему выразительнее всего.

За гостиницей «Метрополь» — прямо в самом сердце Москвы, шагах в пяти от площади Революции, — стоит небольшой участок Китайгородской стены. Красная кладка, зубцы, старая, обветшавшая кирпичная поверхность, из которой местами выпадали кирпичи. Стену венчает башня. Её называют Птичьей.

Название это закрепилось за башней случайно и недавно. Соседнюю башню, стоявшую здесь же, в XIX веке занимал Музей птицеводства. Башня, которую мы видим, была глухой, непроезжей, безымянной — такие в старину обычно никак не называли, потому что названия давались башням с воротами. Но в памяти города две башни слились, и имя перешло на ту, что уцелела.

Участок за «Метрополем» — один из немногих исконных фрагментов стены. Не воссозданных, не надстроенных, а тех, что пережили 1934 год. Просто потому, что были не на виду. Просто потому, что тут находился служебный въезд, и рядом уместно поставить мусорные контейнеры. Именно поэтому стену не тронули. Коммунальному спокойствию она не мешала — и уцелела как случайное исключение из большого сноса.

Много лет этот фрагмент находился в бедственном состоянии. Кирпичи выпадали, основание крошилось. По боевому ходу стены в XX веке проложили теплотрассу — и она регулярно протекала, подтапливая памятник. «Культурный слой» со стороны Никольской со временем вырос на шесть метров. Стена оказалась вровень с позднейшей московской застройкой и невольно служила ей подпоркой. Древняя крепость превратилась в опору для чужих этажей.

В 2018 году участок стены, завершающийся Птичьей башней, поставили на баланс города. В 2019м объявили конкурс на исследования и проект реставрации. Работы шли

несколько лет. К лету 2023 года закончили: укрепили основание, обновили кладку, восстановили «ласточкины хвосты» — те самые зубцы, что и на кремлёвских стенах.

Так в Москве появился первый большой участок исконной Китайгородской стены, приведённый в порядок в XXI веке. Не воссозданный, а подлинный. Тот самый, который видел снос всей остальной стены, но уцелел. Тот самый, из-за которого у служебного въезда стояли мусорные контейнеры. Тот самый, который остался случайно, и потому остался.

Следующая точка — парк «Зарядье».

В 2017 году на месте разобранной в 2006 году гостиницы «Россия» открылся парк «Зарядье». После гостиницы, стоявшей здесь сорок лет, здесь осталось пустое пространство, и его решили сделать парком. А когда начали копать, чтобы строить парк, — наткнулись на Китайгородскую стену. Вернее, на её основание.

Археологи нашли белокаменное основание стены, несколько тайных комнат со сводчатыми потолками, помещения для подошвенного боя — это те помещения, где стояли стрельцы, вёл обстрел на уровне земли, из бойниц у самого подножия стены. Кроме того, здесь было найдено более ста пятидесяти артефактов: монеты, предметы быта, фрагменты одежды, оружия, посуды. Всё это относилось к разным эпохам, но главное — к XVI–XVII векам, то есть ко времени, когда стена работала в полную силу.

С находкой надо было что-то делать. Её можно было закопать обратно, можно было вывезти, можно было уничтожить. Решили сохранить — и сделали то, что в Москве до тех пор не делали. Основание стены и археологические находки стали экспозицией подземного музея «Зарядья», который открылся в 2018 году вместе с парком.

Сегодня в этом музее можно увидеть подлинное белокаменное основание стены — то самое, что было заложено в 1535 году. Вокруг — монеты, предметы, найденные здесь же, рядом. Это не привезённые из других музеев экспонаты, это то, что было в буквальном смысле под ногами. Пятьсот лет назад на этом месте стояла стена. Сегодня на этом месте стоит подземный музей, а над музеем растёт трава и гуляют люди.

Это одно из тех мест, где прошлое и настоящее становятся почти осязаемо рядом.

Третья точка — подземный переход у станции метро «Китай-город».

В 1970 году, когда строили станцию, которую тогда называли «Площадь Ногина», рабочие обнаружили фундамент Варварской башни. Это была одна из двенадцати башен стены, та самая, где в XIX веке устроили часовню вместо проезжих ворот. Фундамент — большие белые известняковые глыбы — оставили на обозрение пешеходов. Так в обычном московском подземном переходе появился фрагмент настоящей крепости. Огромные камни лежат прямо в переходе, возле выхода 13.

Спустя полвека этот фрагмент нуждается в реставрации. Известняк — материал мягкий, а подземный переход — не то место, где памятнику хорошо. Но даже в нынешнем своём состоянии он остаётся удивительным зрелищем: люди идут на работу, спускаются по лестнице, покупают билеты, торопятся — и в этом потоке лежит фундамент Варварской башни. Ему пятьсот лет, и он лежит здесь же, где стоял когда-то, только теперь не на открытом воздухе, а под землёй.

Ещё одна точка — Третьяковский проезд.

Это ворота в русском стиле, поставленные к Третьяковскому проезду в 1871 году. Их проектировал архитектор Александр Степанович Каминский. Дом с воротами получил островерхий шатёр, башенки со шпилями и зубцы. Во время сноса Китайгородской стены в 1930е годы эти ворота уцелели, потому что они не были частью стены — они были пристроены к ней снаружи, но жили самостоятельной жизнью. В начале XXI века их отреставрировали вместе с прилегающим Третьяковским проездом.

Формально эти ворота не принадлежат к Китайгородской стене как фортификации — это XIX век, это декорация, это русский стиль. Но они стоят на том же месте, где стояла стена,

они помнят её, и они до сих пор служат входом в Третьяковский проезд. Это тоже часть линии — не как крепость, а как припоминание о крепости, как её позднее эхо.

И, наконец, самое громкое возвращение стены — Воскресенские ворота.

Мы уже говорили о них. Они были снесены в 1934 году — одними из первых, потому что стояли у самого входа на Красную площадь. В 1988 году, при прокладке подземных коммуникаций, рабочие наткнулись на их фундамент. Археологи поняли, что нашли древние крепостные ворота. Начались работы по воссозданию. За дело взялся Олег Игоревич Журин — ученик Барановского, тот самый человек, что продолжил дело своего учителя.

Задача была почти невозможной. От ворот не осталось обмеров, потому что снос в 1930х был произведён без правильных предварительных измерений. Пришлось поломать голову над тем, как именно были устроены Воскресенские ворота и примыкающая к ним Иверская часовня. В итоге сами ворота были воссозданы в виде конца XVII века, а часовня — в виде конца XVIII века. То есть в разных стилистических слоях, потому что в реальности ворота и часовня действительно менялись в разные эпохи и в разные эпохи выглядели по-разному.

В 1995 году Воскресенские ворота были открыты.

Сегодня они стоят на том же месте, где стояли раньше: у самого входа на Красную площадь, над точкой нулевого километра российских дорог. Через них проходит граница между площадью и городом, они — как рамка для картины, которая называется Красная площадь. И то, что они вернулись именно сюда, именно в этом виде, именно в 1995 году, — не случайность, а результат цепочки: Барановский спас фрагмент стены в 1960е, Журин восстановил ворота в 1988–1995, — и всё это одна линия.

Круглая башня на Театральной площади — тоже воссозданный фрагмент. В 1997 году восстановили часть стены и прилегающую Круглую башню. К сожалению, воссозданная башня существенно отличается от оригинала: она получилась шире, выше и с шатровым завершением, которого прежде у неё не было. На архивных фотографиях видно, какой она была в XIX веке; нынешняя выглядит иначе. И это, если задуматься, честно. Реставрация никогда не бывает точной. Мы всегда имеем дело с версией, а не с оригиналом. И в этом смысле Китайгородская стена, восстановленная в разных частях Москвы, — это собрание версий. Каждая из них сделана с наивозможной точностью, и каждая в чём-то ошибается.

Так что же мы имеем сегодня?

Сегодня в Москве есть несколько мест, где можно увидеть Китайгородскую стену. Исконные фрагменты: за «Метрополем», с Птичьей башней; белокаменное основание в подземном музее «Зарядье»; фундамент Варварской башни в переходе метро. Воссозданные фрагменты: стена у Китайгородского проезда, Воскресенские ворота, Круглая башня на Театральной площади, Третьяковские ворота.

Некоторые из этих объектов — подлинные. Некоторые — воссозданные. Отличить их с первого взгляда трудно: и те и другие выглядят как старинная крепость. Реставраторы и историки знают точно, где исконное, а где нет. Обычные прохожие — нет. И это не проблема, а скорее условие того, как живёт городская память. Она существует не в разделении на подлинное и восстановленное, а в самом факте того, что эти фрагменты есть, что они стоят, что к ним подходят, что их трогают.

На стену у Китайгородского проезда можно подняться со стороны парка «Зарядье» — совершенно бесплатно. Можно пройти по боевому ходу, посмотреть на Кремль, на Москву-реку, на Зарядье, на «Метрополь». Это место — не музей и не аттракцион. Это просто стена, на которую можно подняться, как на любую другую стену. В этом есть что-то простое и хорошее: стена вернулась к тому, для чего она и была когда-то нужна. Чтобы по ней ходили люди.

Через пятьсот лет после того, как Елена Глинская распорядилась здесь строить, через четыре века после того, как по её боевому ходу ходили стрельцы, через сто лет после того, как её разобрали, — по ней снова ходят. Пусть не с пищальми, а с мороженым, не в дозор, а

на прогулку. Но ходят. Стена вернулась к своей первоначальной функции в самом простом её смысле: она снова служит людям.

Что значит эта линия для Москвы?

Китайгородская стена — одно из важнейших оборонительных сооружений Москвы XVI века. За свою долгую историю укрепление пережило множество потрясений, а до наших дней дошло лишь фрагментарно. История строительства, разрушения и восстановления стены — это отражение непростой судьбы города, где прошлое и настоящее неразрывно переплетаются.

Но в этой истории есть и ещё один смысл, более личный и более человечный.

Китайгородская стена была построена, чтобы защищать. Она не была ни храмом, ни дворцом, ни памятником в изначальном смысле этого слова. Она была стеной, за которой люди прятались от того, чего боялись. И это делает её историю почти бытовой: она нужна была, пока была нужна, и перестала быть нужна, когда перестала быть нужна. Её сносили не потому, что её ненавидели. Её сносили потому, что время шло, и она больше не вписывалась в новое время.

Так бывает и с людьми. Человек был на своём месте, а потом время изменилось, и его место стало неудобным. И его убирают. И потом, спустя годы, оказывается, что без него что-то потерялось. Тогда его возвращают — по частям, по фотографиям, по пересказам. И оказывается, что вернувшееся — не то же самое. Но всё-таки что-то важное.

Китайгородская стена вернулась именно так.

Сегодня у неё как будто две жизни. Одна — в Москве: несколько фрагментов, подземный музей, башня за «Метрополем», ворота на Красную площадь. Другая — в памяти: в книгах, в гравюрах XVI века, в старых фотографиях, в исторических исследованиях, в разговорах гидов, которые водят экскурсии по Китай-городу. Изучать эти бесценные памятники советуют в компании настоящих экспертов — гидов-историков. Они научат отличать воссозданные участки от исконных и расскажут все тайны Китай-города. Это правильно и хорошо. Но хочется добавить: даже без гида, даже без объяснений, просто подойдя к древней кладке и положив на неё руку, можно почувствовать главное — что Москва не теряла своей стены совсем. Она лишь отложила её, а потом вернула, выстроив заново из того, что осталось.

Эта новелла — о том, что стена — не просто кирпич. Это линия, которая проходит через Москву и через время. Один раз её прочертили в 1538 году. Один раз её разрушили в 1934м. Один раз её вернули в 1970–1990е. И каждый раз оказывалось, что линия важнее отдельных людей, которые её чертили, ломали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.